

деревни, помогавших Рогову, и приведет в конце концов к разрушению всего крестьянского мира.

Специфика вешного мира в повести В. Белова найдет продолжение и в дальнейшем творчестве писателя, в том числе в трилогии «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой». Впрочем, в этих произведениях появится еще одна предметная группа: непривычная вещь в непривычных обстоятельствах. Персонажи трилогии станут свидетелями и невольными участниками коллективизации – исторической трагедии, которая переместит многих из них в чуждое в ценностном отношении пространство города, разрушив естественную среду и столкнув с совершенно новой реальностью. В «Привычном деле», опубликованном за пять лет до первого романа трилогии, показаны результаты этой катастрофы.

Литература

1. Баранов, С.Ю. Специфика искусства и анализ литературного произведения / С.Ю. Баранов. – Вологда: Вологодский гос. пед. институт, 1988.

2. Белов, В.И. Привычное дело // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. / В.И. Белов. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.

3. Топоров, В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе [Электронный ресурс] / В.Н. Топоров. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru>.

С.Ю. Баранов
ВоГУ, г. Вологда

КАРНАВАЛЬНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*

После выхода в свет в 1965 году первого издания книги М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» понятие «карнавал» обрело статус фундаментальной мировоззренческой категории и стало широко использоваться в исследованиях по теории и истории культуры. Диапазон его применения неуклонно расширялся, не ограничиваясь европейским средневековьем и Эпохой Возрождения, охватывая все новые и новые сферы культурной жизни, все новые и новые периоды развития общества. Повод для экспансии разработанного им понятия дал сам Бахтин, обращаясь в книге о Рабле и в других работах к материалу разных культур и эпох. Симптомы карнавального мироощущения обнаруживались и самим автором книги о Рабле, и его последователями на

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

протяжении едва ли не всей истории человечества – от Античности до наших дней, от фольклора до современных форм молодежной культуры, политехнологий и общения в виртуальной реальности. Их энтузиазм вызвал негативную реакцию на теоретические и историко-культурные построения как самого Бахтина, так и на его продолжателей. И хотя при этом стимулирующее исследовательскую мысль значение идей автора книги о Рабле обычно не отрицается, есть уже, по-видимому, повод говорить о существовании антибахтинского направления в современных гуманитарных науках.

В сложившейся ситуации проецирование теории карнавала на творчество В.И. Белова может показаться очередным проявлением безудержного тиражирования бахтинских идей. Думается, однако, что основания для рассмотрения произведений писателя в этом ключе все-таки имеются. Народная святочная культура, присутствие в которой карнавальной основы обнаруживается вполне отчетливо [18, с. 156], в поле зрения писателя находилась. Ей он посвятил специальный раздел в книге «Лад», где обращено особое внимание на такие карнавальные по своей природе святочные обычаи, как хождение ряжеными, «баловство» («озорование») и, более опосредованно связанные с карнавальностью, гадания [6, с. 212]. А в его романе-хронике «Канунъ» описанию святочного вечера с различными видами характерных для этой поры игрищ, забав и обрядов отведены пять начальных глав.

Святки на время действия повести «Привычное дело» не приходятся. Это важно отметить, так как по народной традиции карнавальный «поведенческий феномен, фундированный соответствующим “типом образности”» [17, с. 355] ограничен строгими хронологическими рамками (от Рождества до Крещения)¹, за пределами которых подвергается запрету и утрачивает свою специфическую культурную эффективность. Однако это не значит, что в иное, несвяточное время он не мог о себе напоминать в трансформированном, редуцированном, опосредованном, фрагментарном виде. М.М. Бахтин отмечал: «...народно-праздничное карнавальное начало, в сущности, неистребимо. Суженное и ослабленное, оно все же продолжает оплодотворять собою различные области жизни и культуры» [4, с. 41]. При рассмотрении русской традиционной культуры данное обстоятельство особенно важно учитывать, так в ней, в отличие от культуры западноевропейской, карнавал как таковой целостно оформленного, ярко выраженного и последовательного воплощения не обрел. Не случайно отечественные этнографы и фольклористы даже при описании русских святочных гуляний и самим термином «карнавал», и его производными пользуются крайне осто-

¹ На территории Вологодского края святками иногда считался и более короткий временной период – от Рождества до Нового года [15, с. 345].

рожно. Более того, высказывалось предположение, что в концепции Бахтина представлена *идея* карнавала, никогда не воплощавшая в действительности в полном виде и в Западной Европе [11, с. 156].

Вместе с тем явственно дает о себе знать стремление осмыслить карнавальное мироощущение как атрибут национальной ментальности. Е.М. Мелетинский относил карнавальность к разряду явлений, широко распространенных в России [1, с. 32]. М.А. Абрамова полагала, что бахтинская теория карнавала является результатом рассмотрения западноевропейского материала через призму «русского отношения к смеху» [1, с. 6]. По мнению В.В. Кожина, «в России “карнавальность” (в самом широком значении этого слова) отражалась в гораздо большей степени (если сравнить с Западом) в *духовной* сфере», и «есть все основания полагать, что *мир духа* в России <...> намного более “карнавален”, нежели на Западе» [1, с. 18]. В.В. Иванов объяснял успех книги Бахтина в советской России ее соответствием «атмосфере эпохи» 1960-х годов, особым знаком которой было появление «карнавальных мотивов» в произведениях многих писателей и художников [2, с. 7]².

То, что наметилась тенденция наделять слово «карнавальность» «самым широким значением», привело, во-первых, к свободному толкованию феномена, им обозначаемого, а во-вторых, к осознанию необходимости уточнения понятий, с этим феноменом соотносимых. При подходе к литературному творчеству было предложено разграничивать два явления: «непосредственное влияние карнавала на литературу, описанное Бахтиным в “Рабле”» и «опосредованное влияние некоторых карнавальных элементов, создающих некое “карнавальное восприятие мира”» [8, с. 9]³.

В повести В.И. Белова «Привычное дело» нашло воплощение явление второго типа. Пафос, определяющий эстетическую специфику этого произведения, трагикомический. В повести противопоставлены и в то же время образуют неразрывное единство две стороны человеческого бытия. Обладая несомненной художественной целостностью, произведение включает в себя и главы, в которых господствует смеховое начало, и главы, где на первый план выходит экзистенциальная драма человеческого существования. Именно это, последнее обстоятельство побудило исследователей име-

² К этой же «эпохе» относится и повесть В. Белова «Привычное дело», опубликованная в 1966 году. Тем самым косвенно мотивируется наличие «карнавальных мотивов» в ней.

³ Р.Х. Касимов, установивший это разграничение, первое явление предлагает называть «карнавальностью», второе «карнализацией». Но, учитывая распространенную в научно-критической литературе практику словоупотребления, более удобно использовать обратную номинацию.

новать произведения, подобные «Привычному делу», «онтологической прозой» [5, с. 142]. Целостность повести Белова обеспечивается, в частности, тем, что трагическое и комическое в ней не изолированы друг от друга. Будучи контрастно противопоставленными, они, тем не менее, взаимосотнесены и взаимообусловлены, их смысловая нагрузка в значительной мере обеспечивается наличием противоположного начала. Более того, трагическое в «Привычном деле» потенциально присутствует в комическом, а комическое может оборачиваться отнюдь не смеховыми последствиями. Рассыпанные по всему пространству беловского текста, «карнавальные элементы» в наиболее концентрированном виде представлены в комических по доминирующей окраске эпизодах, но функционально, на уровне целостной картины действительности, эти эпизоды обретают полноценную значимость лишь в смысловой, а порой и в причинно-следственной связи с трагическими ситуациями, в которых оказываются персонажи произведения. Примечательно, что на авторском уровне «карнавальное поведение» персонажей не вызывает резкого осуждения, окрашено в юмористические тона и является неотторгаемой частью крестьянского мира. Учитывая сказанное, можно, по-видимому, говорить об экзистенциальном («онтологическом») статусе и смехового начала в повести «Привычное дело».

В аспекте карнавальности особо показательны два этапа развития действия произведения: сватовство к сосновской Нюшке и инициированный ее братом Митькой загул мужиков в сенокосную пору. С ними соотносятся такие ключевые для бахтинской теории карнавала понятия, как нарушение обывденного течения жизни, освобождение от предписанных социальными порядками ограничений, противопоставленность традиционным и официальным установлениям, праздничность, гротескное переворачивание общепринятых ценностей, повышенное внимание к проявлениям телесной витальности, наличие эротизма, сильного игрового элемента в поведении, использование различных форм «фамильярно-площадной» речи, амбивалентный смех.

Ограниченный объем публикации побуждает остановиться лишь на одном из названных примеров карнавальности в повести «Привычное дело» – на первом. Сватовство к Нюшке приобретает карнавальный колорит уже потому, что неуместно и провокационно по отношению к традиционным нормам и порядкам. Происходит оно в апреле, скорее всего, – в дни Великого поста⁴, предшествующего Пасхе и отличающегося особой стро-

⁴ Учитывая обстоятельства женитьбы вернувшегося с фронта Ивана Африкановича на Катерине (на третий год после первой неудачной попытки) и возраст их старшей дочери, которой подошел срок получать паспорт, можно с большой долей вероятности предположить, что действие повести относится к 1965 году, когда Великий пост длился с 8 марта по 24 апреля.

гостью. Персонажи повести «Привычное дело» – люди советского времени, и церковный календарь в их жизни заметной роли не играет. Но с церковным календарем соотносятся вековые народные обычаи, которые в крестьянской среде продолжали сохранять свою значимость, и в подтексте повести ориентация на них, конечно, присутствует. Ассоциативно к ним отсылает уже заглавие произведения. В соответствии с традиционными обычаями сватовство проходило в период святок, а свадьбы чаще всего устраивались в зимний мясоед, между Рождественским и Великим постами [3, с. 19, 26]. Исключения из этого правила были редкими и мотивировались чрезвычайными обстоятельствами. Никакими обстоятельствами подобного рода ни Мишка, ни Иван Африканович не руководствуются. Если согласно обычаю время сватания – вечер, время полного сбора невестинной семьи, то они заявляются в дом «невесты» за полночь, когда деревня уже спит «запредельным сном»⁵. Их сватовство – спонтанная импровизация под воздействием винных паров, игра случая, что не согласуется с установленным в традиционной крестьянской культуре распорядком такого важного дела, как визит в дом невесты. Мишка ввязывается в эту авантюру, изживая свое недовольство неудачей с районными девушками-зоотехниками. Иван Африканович оконфузился перед мерином Парменом, принудив его свернуть не на ту дорогу, и тоже нуждается в том, чтобы вновь обрести самоуважение. Сватовство становится для обоих средством психологической компенсации, но в результате оказывается дискредитированным и осмеянным, наделяется чертами шутовства. Происходит это потому, что и тот и другой берут на себя роли, неуместные в созданной ими же ситуации и мало соответствующие их собственному социально-психологическому облику. Они уподобляются ряженым, выпавшим из святочного контекста. Учитывая это, можно предположить, что бранные формулы «неси вас леший»⁶, «пустая рож» и «сотона» приобретают в устах Ньюшки не только обиходный, сугубо эмотивный смысл и являются показателями отношения к сватам как к ряженным. Если «от умения сватов вести разговор <...> зависел исход дела» [19, с. 576], то взявший на себя роль свата Африканович косноязычен, бестолково суетлив и нерасторопен. В состоянии пьяного куража он, как всегда, стремится сам себе набить цену

⁵ На Вологодчине сватанье могло происходить и ночью, тайком от сельчан, во избежание возможных насмешек над женихом в случае отказа [16. с. 342]. Но в повести «Привычное дело» ситуация иная: разгоряченные вином «сваты» не сомневаются в успехе своего дела, а потерпевший неудачу Мишка впоследствии охотно смешит публику в сельповском магазине рассказами о своих злоключениях.

⁶ В облике ряда персонажей, разыгрываемых ряженными, отчетливо прослеживалась связь с «лесовиком» (лешим) [14. с. 187].

(«...у меня рука кому хошь копоти нагонит», «Ты меня знаешь!», «Это я-то плясать не умею?») и проч.). Жениху, роль которого «играет» Мишка, участвовать в сватовстве по установленным традицией правилам этого обряда вообще не полагалось⁷. И если в советское время этим правилом стали пренебрегать, то, во-первых, подобные эксцессы все-таки осознавались как нарушения, а во-вторых, даже в этих случаях брать на себя функции свата, как это делает Мишка, жениху не следовало. Пытаясь незаметно его урезонить, Иван Африканович тем самым о нормах поведения жениха напоминает.

Мишка введен в повествование как нарушитель правил и возмутитель спокойствия. В его характере и поведении проявляются черты, свойственные трикстеру, архаическому герою, предвосхитившему описанную Бахтиным мировоззренческую подоплеку карнавала и предопределившему ряд его черт [1, с. 32; 12, с. 27]. Он – носитель смехового начала и инициатор активизации смеховой стихии в повести. При этом он охотно обращает смех не только на окружающих его персонажей, но и на самого себя, что соответствует амбивалентной природе карнавального комизма.

Идея сосватать Нюшку возникает у Ивана Африкановича по ходу рассуждений о ее женских достоинствах, из которых на первый план, в соответствии с принципами народной эстетики, должны выступать богатство, трудолюбие и здоровье. Иван Африканович славит свою «троюродную» как красавицу и работницу. Комически обыграны в повести показатели трудолюбия и «богатства» на советский лад⁸ – многочисленные Нюшкины грамоты и дипломы, от которых «красно» в избе. Они наделены горесватом функциями девичьего приданого. В качестве показателя работоспособности и красоты выступает гротескная телесность невесты: «ноги <...> что вырублены», «Грудина, а ноги-то, девка что баржа» [7, с. 12]. Карнавальный характер Нюшкиной дородности усиливается насмешливым обнаружением сходства между нею и пышнотелой греческой богиней с картины Рубенса «Союз Земли и Воды» [7, с. 18]. Приметой комически акцентированной телесности является также бельмо на правом глазу Нюшки, которое, по замечанию Ивана Африкановича, на все лады расхваливающего невесту-товар, «и видно-то, только ежели глядеть спереди, а с боку да ежели с левого, дак никакого и бельма не видно» [7, с. 12]. Здесь Беловым намечена любопытная интерпретация двойственности облика Нюшки: левая сторона лица – воплощение подлинной ипостаси персонажа, правая – маска, искажающая и травестирующая эту ипостась. При этом обращает на

⁷ «Встарь <...> жениху сватать не полагалось» [3, с. 26].

⁸ В данном отношении показательны, например, фильмы «Богатая невеста» И. Пырьева (1937) и «Свадьба с приданым» Т. Лукашевич и Б. Равенских (1953), которые В.И. Белов, конечно же, видел.

себя внимание инверсия, имеющая карнавальный оттенок: оппозиция «правое – левое» наделяется в культуре как правило противоположным смыслом [9].

Яркий эффект производит появление Нюшки, приравненное в контексте травестированного ритуала сватовства к смотринам невесты. На настоящих смотринах девушка выходила нарядно одетой, прохаживалась по середине избы, несколько раз поворачивалась на месте, рассчитывая произвести на гостей со стороны жениха благоприятное впечатление. Вопреки воле родителей она могла отказаться от свадьбы, переодевшись после первого выхода в будничное платье и показавшись, уже в таком виде, вторично [19, с. 577–578]. Но и в этом случае полагалось вести себя сдержанно и уважительно по отношению к присутствующим, чтобы дать им возможность достойно выйти из сложившейся ситуации. В повести Белова все выглядит совершенно иначе: явившаяся с фермы Нюшка, «в навозных сапогах и в пропахшей силосом фуфайке, встала посреди избы и, прищурившись, поглядела на сватов. Потом бросилась за перегородку, проворно выскочила оттуда с ухватом...» [7, с. 14–15]. И далее следует шумное выдворение «псевдосватов» за ворота с бранью, по боями, плачем и погромом в избе.

Завершается незадачливое сватовство вынужденной ночевкой и странной с обыденной точки зрения помывкой Мишки и Ивана Африкановича в выставляющей бане. Странная она потому, что никакой необходимости в этой помывке нет, тем более, что и каменка уже почти остыла, и теплой воды после посещения бани хозяевами осталось всего полторы шайки. Но этот несурзанный поступок может быть мотивирован карнавальным пародированием двух обрядов: 1) очистительным омовением невесты после сватовства и накануне венчания, которое расценивалось как кульминация приготовления девушки к браку, 2) обязательным омовением участников ряжения в «иордани», осмысляемым как очищение от соприкосновения с нечистой силой [14, с. 196; 10, с. 543]. С учетом последнего обстоятельства слова Мишки «будем грехи смывать» обретают не только шутило-ернический смысл, напоминают о существовании пародируемой народной традиции. Почивание же на банном полке валетом, как и мена одеждой (пгтанами), усиливают карнавальную окраску данного эпизода.

Амбивалентный характер незадачливого сватовства выявляется по кольцевому принципу в финале повести, когда похоронивший Катерину Иван Африканович соединяет свою судьбу с Нюшкой, по отношению к которой в начале произведения пытался выступить в роли свата. Комического эффекта эта парадоксальная ситуация после всего в повести случившегося не производит. Она становится выражением положенной в основу произведения идеи нескончаемого круговорота жизни. На уровне общей

концепции бытия повесть В.И. Белова согласуется с теорией М.М. Бахтина: за всем изображенным в произведении «стоит народное представление о коллективно-историческом бессмертии на основе вечного обновления» [13, с. 145]. В удачно найденной, содержательно емкой заглавно-рамочной формуле «Привычное дело» зафиксировано и это представление. Возможно, оно является главным содержательным компонентом заглавия повести, авторским вектором, направляющим читательское восприятие.

Литература

1. Анкета ДКХ // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1996. – № 4.
2. Анкета ДКХ // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1997. – № 1.
3. Балашов, Д.М. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтыге (Тарногский район Вологодской области) / Д.М. Балашов, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыкова. – М.: Современник, 1985.
4. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. литература, 1990.
5. Белая, Г.А. Художественный мир современной прозы / Г.А. Белая. – М.: Наука, 1983.
6. Белов, В.И. Лад / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2012. – Т. 5.
7. Белов, В.И. Привычное дело / В.И. Белов // Белов В.И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Классика, 2011. – Т. 2.
8. Касимов, Р. Поэтика карнавала и переходных ритуалов: Размышления по поводу понятия «карнавал» / Р. Касимов // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1995. – № 3.
9. Киселева, И.В. ПРАВЫЙ и ЛЕВЫЙ в русской языковой картине мира. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. 10.01.02 / Киселева И.В. – М.: [МГУ], 2012.
10. Мадлевская, Е. Ряженые / Е. Мадлевская // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005.
11. Манн, Ю.В. Карнавал и его окрестности / Ю.В. Манн // Вопросы литературы. – 1995. – Вып. 1.
12. Мелетинский, Е.М. Культурный герой / Е.М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2.
13. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976.
14. Морозов, И.А. Кудеса / И.А. Морозов // Морозов И.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский, С.Н. Смольников, Е.А. Минюхина. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
15. Морозов, И.А. Святки / И.А. Морозов // Морозов И.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский, С.Н. Смольников, Е.А. Минюхина. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

16. Островский, Е.Б. Сватовство / Е.Б. Островский // Островский Е.Б. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский, С.Н. Смольников, Е.А. Минюхина. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

17. Паньков. Л.А. Карнавал / Л.А. Паньков // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.

18. Поньрко, Н.В. Святочный и масленичный смех / Н.В. Поньрко // Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984.

19. Шангина, И. Сватовство / И. Шангина // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005.

Е.В. Жуйкова
г. Москва

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН НА ВОЙНЕ И В МИРЕ **(Арсений Благодарев и Иван Африканович Дрынов)**

Судьба русской деревни, русского крестьянства чрезвычайно волновала А.И. Солженицына, и эта тема занимает особое место в его творчестве. У Солженицына довольно много героев – выходцев из крестьянской среды: это и старуха Матрёна, и Иван Денисович, который принес писателю первую славу, и герои двучастных рассказов («Настенька», «Абрикосовое варенье»). О судьбе раскулаченного крестьянства он говорит в «Архипелаге ГУЛАГ». Множество крестьянских персонажей читатель видит и в десяти-томной эпопее «Красное Колесо», но особое место среди них отведено Арсению Благодареву.

В данной статье предпринимается сопоставление Арсения Благодарева, одного из самых важных крестьянских персонажей «Красного Колеса», и Ивана Африкановича, главного героя повести В. Белова «Привычное дело».

В «Красном Колесе» есть аналог паре Платон Каратаев – Пьер Безухов («Война и мир»), воплощающей классическое толстовское противопоставление аристократа, представителя дворянской культуры, и человека из народа. В эпопее Солженицына это Арсений Благодарев и Георгий Воротынцев. Однако у него они скорее сопоставляются, а не противопоставляются. У Толстого Каратаев открывает Пьеру «последние истины», особый взгляд на мир и личность, недоступный представителю дворянской аристократии, но искони присущий человеку из народа. Трудно представить себе союз Пьера и Каратаева, тогда как у Солженицына полковник Воротынцев и нижний чин Благодарев в равной степени нужны друг другу, сотрудничают, являются союзниками в нелегком военном деле. Ж. Нива, осмысляя